

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА "АНТРОПОЛОГИЯ НИЩЕНСТВА"

ЭО, 2007 г., № 3

М. Л. Бутовская

ВВЕДЕНИЕ: ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В предлагаемой читателям серии статей рассматривается феномен попрошайничества (нищенства) в прошлом и настоящем и анализируются этнологические, психологические и культурные механизмы, обеспечивающие отклик на просьбы нищих о помощи со стороны представителей "большого" общества. Само попрошайничество относится к исключительно древним явлениям и существует, по-видимому, столько же, сколько существует само человечество, а возможно, и дольше. Во всяком случае, выпрашивание мяса распространено у наших ближайших родственников – шимпанзе, а дележ пищи взрослыми самцами и самками с детенышами и подростками – важная составляющая репертуара поведения у многих обезьян Нового и Старого Света (Бутовская, Файнберг 1992, 1993; Бутовская, Сухова, Кузнецова 1995).

Дележ мясной пищи в сообществах охотников-собирателей и ранних земледельцев можно считать прототипом успешного попрошайничества в современном мире. В условиях контактов с обществами с производящей экономикой многие сообщества охотников-собирателей маргинализируются и отдельные их представители (или даже группы) начинают попрошайничать у своих соседей – земледельцев или скотоводов, а также выпрашивать деньги, еду или одежду у туристов. Так поступают, к примеру, бушмены, пигмеи бак или хадза, сменившие традиционный образ жизни на маргинальное существование в качестве наемных рабочих, или те, кого правительство постаралось "посадить" на землю и своими подачками отучило самостоятельно обеспечивать необходимое пропитание. Факультативным нищенством могут заниматься целые сельские общины, коллективно выходя на промысел в города в перерывах между работами на полях. Наглядный тому пример – нищие в современной Аддис-Абебе. Аналогичные стратегии были распространены и в некоторых деревнях Российской империи, странах Западной Европы, Китае (см. ниже статьи Бутовской и Ванчатовой, а также Дьяконова).

Современное попрошайничество может опираться на новейшие технологии, в частности Интернет. Во всемирной паутине существуют сайты "попрошаек", на которых желающие имеют возможность поместить просьбы о денежном вспомоществовании. Просить могут на разные цели: для оплаты обучения в университете, на операцию (в том числе и косметическую), похороны близких, помощь ребенку. Встречаются и вовсе поразительные "потребности": на погашение ссуды при покупке коттеджа, кругосветное путешествие и даже... на приобретение автомобиля "Hammer"! Удивляют не

Марина Львовна Бутовская – профессор, доктор исторических наук, заведующий сектором этологии человека Института этнологии и антропологии РАН.

* Статья подготовлена в рамках программы Президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям".

сами просьбы, а то, что находятся желающие эту помощь оказать. Одним из первых услугами Интернета в целях получения субсидий на обучение воспользовался китайский юноша. Он обратился с открытым письмом ко всем посетителям одного из сайтов, попросив оказать небольшую помощь – перевести на его счет по 1 долл. Результаты этой акции превзошли все ожидания, сочувствующих оказалось так много, что на счету будущего студента скопился 1 млн долл.

В современном индустриальном и постиндустриальном обществе человек значительно автономизируется, наблюдается разрыв семейных связей, резкое ограничение контактов даже с близкими родственниками (родители – дети, братья – сестры). Однако активный отклик на просьбы нуждающихся в помощи не ослабевает. Вероятно, альтруизм следует рассматривать как одну из базовых сущностей человека, имеющую врожденные предпосылки. Потребности в кооперации и взаимопомощи столь велики, что современный человек готов оказывать благотворительность по отношению к незнакомым людям, жертвовать анонимно тем, кого он сам никогда лично не встретит.

Сегодня трудно себе представить Москву, Киев, Прагу, Варшаву, Бухарест и другие крупные города Центральной и Восточной Европы без нищих, сидящих, стоящих у дверей крупных супермаркетов, ворот рынков или церквей, расположившихся семейными группами на улицах и площадях, активно перемещающихся с картонными табличками и без оных по вагонам метро и тротуарам, просящих с собаками, кошками, а иной раз и вовсе с экзотическими питомцами (попугаями, питонами, медвежатами или обезьянками) (Butovskaya et al. 2000, 2004). Нищие, заполонившие большие столичные улицы в начале 1990-х годов, стали настоящим шоком для горожан, воспитанных в эпоху социализма. Основная масса "новых нищих" отличалась своим обликом, манерой держаться и говорить от "сырых и убогих", просивших милостыню на паперти или в вагонах поездов в советское время, как, впрочем, и от большинства современных нищих из США или Западной Европы. "Новые нищие" в подавляющем большинстве мало чем напоминали нищих Индии (особая каста, нищие по рождению – те, чьи предки промышляли нищенством много поколений, или *хиджры* – транссексуалы, совмещающие попрошайничество с проституцией и презираемые обществом), Мадагаскара, Танзании, Египта, Таиланда и других развивающихся стран.

В последние 15 лет нищенство стало привычным явлением в России и других странах бывшего СССР, равно как и во всей Восточной и Центральной Европе. Сами нищие образовали особую социальную группу с собственной экономической стратегией и специфической формой занятости, собственными правилами поведения и традициями (Dean, Melrose 1999: 84). Эта субкультура возродилась в результате кардинальной трансформации рынка труда в условиях постсоциалистической действительности и в кратчайшие сроки сформировала свой "кодекс чести", сети социальных связей, фольклор и язык общения с "большим" обществом (см. ниже статью Ахметовой). Наряду с текстами и невербальным поведением, апеллирующим к состраданию окружающих, современные нищие активно прибегают к лицедейству, развлекаая прохожих шутками и "приколами". Так, один из побирающихся в вагонах московского метро, инвалид, одетый в тельняшку и бушлат, повесил на шею картонную табличку: "Помогите инвалиду, отравился флотским борщом!" Воззвание имело бурный успех, пассажиры, дремавшие в вагоне, встрепенулись и, смеясь, активно подавали шутнику. Другой шутник-попрошайка веселил пражан (и получал за это вознаграждение) тем, что удил рыбу в сточном люке (см. статью Бутовской и Ванчатовой).

Анализ современного нищенства в России показывает, что "новые нищие" в основных чертах воспроизводят практику попрошайничества в том виде, в котором она существовала в дореволюционном российском обществе (Butovskaya et al. 2000). К сходным выводам о наличии устойчивых стратегий и практик нищенства во времени и преемственности архетипов попрошайничества можно прийти, изучая это явление в Чехии, Румынии, Польше (Butovskaya et al. 2004; Rheinheimer 2003). В представленных

ниже статьях продемонстрирована отчетливая историко-культурная преемственность в стратегиях попрошайничества на примере России и Чешской Республики.

Каковы механизмы подобной преемственности: сознательное индивидуальное копирование успешных практик попрошайничества прошлого или обучение навыкам нищенского ремесла, использование специфических "сигналов нужды в помощи окружающих", адекватных восприятию представителей данной культуры, или применение универсальных практик, стимулирующих альтруистические действия окружающих? Отчего определенные категории нищих (представители отдельных этнических групп) предпочитают прибегать к тактикам "силового" (агрессивного, навязчивого) попрошайничества?

Ф.Н. Ильясов и О.А. Плотникова предположили, что "в 90-е годы есть основания считать нищенство одним из видов занятости" (Ильясов, Плотникова 1994: 150). Как будет показано ниже, наши материалы полностью подтверждают это предположение. Лица, практикующие попрошайничество, могут делать это группой (например, азиатские цыгане приезжают в Москву или Санкт-Петербург на такого рода сезонные заработки большими родственными коллективами) или вести относительно индивидуальный "бизнес" (в этом случае некоторые нищие не посвящают родственников в реальное положение дел и не говорят правды об источниках получаемых доходов). Попрошайничество, как и любой другой вид занятости, приносит разные доходы. Некоторые нищие настолько преуспевают, что могут обеспечить себе и членам своей семьи уровень жизни, соответствующий скорее "представлениям об уровне жизни среднего класса, нежели правилам и привычкам *underclass*" (Кудрявцева 2001: 75), однако во многих случаях получаемые нищим доходы позволяют лишь поддерживать минимальный уровень жизни.

Для человека естественно вести себя кооперативно, альтруистически, и эти его качества отбирались в течение всей его эволюции. Многочисленные модели альтруизма, предложенные в последние десятилетия специалистами по эволюции поведения, дифференцируют разные варианты этого явления и предлагают в качестве объяснения использовать представления об индивидуальном и групповом отборе (Axelrod, Hamilton 1981; Boyd et al. 2003; Gintis 2000; O'Gorman et al. 2005; Wiessner 2005). В статье Бутовской и Ванчатовой показано, что нищие не формируют единого сообщества маргиналов, различается и отношение к ним подающих. Благотворительность по отношению к тем или иным категориям нищих имеет принципиально разные мотивы (зачастую комплекс мотивов) и требует различной интерпретации.

Современные теории альтруизма применимы для объяснения стратегий попрошайничества и позволяют объяснить избирательность в оказании помощи со стороны разных категорий граждан (мужчин и женщин, студентов, лиц активного трудового возраста и пенсионеров, военных и гражданских, местных и приезжих). Рассмотрим некоторые из этих теорий и возможность их применения для понимания феномена современного нищенства.

Деlež мяса у охотников-собираателей часто относят к разряду практик реципрокного альтруизма, однако антропологи продолжают споры относительно его функции. Некоторые специалисты в этой связи обращают внимание на то обстоятельство, что деlež ограниченных и ценных ресурсов (в частности, мяса) нередко напоминает демонстрацию и по многим признакам более сходен с попыткой удачливого охотника показать свои качества как мужчины (**гипотеза демонстрации**) (Hawkes 1990). Демонстрация позволяет охотнику повысить собственный статус и тем самым улучшить возможности репродукции: вопреки расхожим представлениям о том, что мужчины охотятся, чтобы обеспечить семью, они скорее делают это, чтобы делиться с другими, и за этим в значительной степени стоят сексуальные мотивы (Ibid.). Данная гипотеза подтверждается наблюдениями за хадза Танзании, бушменов !Кунг, аче Парагвая, хиви (Hiwi) Венесуэлы, охотниками за морскими черепаками Торресова пролива (Blurton

Jones et al. 1997; Gurven et al. 2000; Kaplan et al. 2000). Как правило, мужчины специализируются на охоте за конкретным видом дичи и со временем становятся знатоками ее повадок, местонахождения и способов отлова. Успешные охотники вызывают всеобщее одобрение, что обеспечивает им более широкий круг потенциальных половых партнерш и союзников среди мужской части группы (*Idem 1993*). Демонстрации, связанные с добычей и дележом мяса, – типично мужское поведение. По мнению К. Хокса, побудительными мотивами таких действий служат очевидные выгоды (доступ к половым партнерам, повышение собственного статуса в группе и пр.), которые "альтруисты" из него извлекают. Если эта гипотеза верна, то получается, что дележ (в нашем конкретном случае благотворительность) отражает не только альтруистические мотивы, но несет в себе определенный эгоистический компонент.

Нам представляется, что гипотеза демонстративного поведения вполне применима к современным условиям: разумеется, подающие производят свои действия в значительной мере подсознательно. Вероятность того, что за ними будут наблюдать знакомые, мала. Тем не менее сам акт милосердия поднимает подающего в собственных глазах и позволяет чувствовать себя более уверенно, а в случае постоянной подачи милостыни это поведение рано или поздно будет отмечено окружающими (в том числе и знакомыми) и станет способствовать формированию более благоприятного социального имиджа. Подтверждением данной гипотезы служат наши материалы, собранные в Москве и Праге: лица с доходом выше среднего подавали милостыню достоверно чаще, чем люди с невысоким доходом.

В периоды тяжелой экономической ситуации, войн, природных катастроф и пандемий количество нищих растет, а возможности социальной помощи сокращаются. В этой ситуации благотворительность становится **избирательной**. Как и следует ожидать, исходя из эволюционной теории, первый фактор, определяющий достойных вспомоществования, – групповая принадлежность (здесь срабатывают законы реципрокного и родственного альтруизма). Так, например, в средневековой Германии делались четкие различия между "своими" (представителями городской бедноты) и "чужими" нищими (чужестранцы, бродяги, циркачи, лудильщики, крестьяне из соседних деревень). Тот же принцип действовал и в 1920–1930-е годы в Чехословакии (в частности, в Праге) и в дореволюционной России: благотворители предпочитали оказывать помощь конкретным знакомым – беднякам, а церковнослужители также старались раздавать милостыню своим прихожанам, а не пришлым бродягам (см. статьи Бутовской и Ванчатовой, а также Дьяконова). Фактор "свой" и "чужие" продолжает оставаться решающим и ныне: по данным нашего исследования, и в Москве, и в Праге горожане предпочитают подавать милостыню тем, кто похож на них своим физическим обликом (антропологически) и одет в соответствии с теми или иными культурными традициями (*Butovskaya et al. 2000, 2004*). Такая избирательность может интерпретироваться также в рамках теории **отсроченной реципрокности** (старые люди, в бытность молодыми, трудились, воевали на общее благо и теперь заслуживают ответной заботы). Показательно, что в современной Москве пожилые мужчины порой просят, надев военный китель, при орденах и медалях; молодые мужчины-инвалиды также всю эксплуатируют образ героя-афганца или участника чеченских кампаний (*Butovskaya et al. 2004*).

Существует общая для всех культур закономерность: в качестве ведущего фактора, стимулирующего подачу милостыни, выступает состояние просящего. Во всех культурах *калеки, больные, слабоумные, немощные старики/старухи* вызывают жалость и сострадание. Это обстоятельство отмечали наши респонденты – подающие в России, Чехии, Италии, Румынии, Танзании, Индонезии, Египте. Правда, в условиях крайней скудности экологических ресурсов или их резкого сокращения (в случае неурожая или длительного периода неудачной охоты на промыслового зверя, рыбу) старики становятся "первой жертвой": у традиционных народов Крайнего Севера пожилые люди ча-

сто добровольно уходят из жизни; жители японских островов также практиковали обычай, по которому престарелых родителей (и других родственников) относили зимой в горы и оставляли там умирать, о чем трагично повествует японский фильм "Легенда о Нараяме".

Во всех без исключения странах (хотя это и активно пресекается государственными службами) нищие стараются эксплуатировать образ ребенка, будь то младенец на руках у матери, малыш или дети старшего возраста. Часто на паперти появляются детикалеки или слабоумные. Здесь мы также сталкиваемся с эффективным применением нищими на практике "детской схемы" (этологи показали, что образ ребенка вызывает у взрослых подсознательное чувство теплоты и симпатии, желание помочь) (Бутовская 2004: 170–171). Там, где просящих детей не встретишь на улицах города, нищие начинают активно демонстрировать нуждающихся в заботе домашних питомцев – щенков, котят, взрослых собак и кошек, попугаев или обезьянок, являющихся суррогатом "детской схемы" (современная Россия, Чешская Республика, Италия, Германия, США, Канада и другие развитые страны).

Долгосрочные наблюдения показывают, что индивидуальные стратегии попрошайничества претерпевают эволюцию, становясь более эффективными за счет собственного опыта нищего и обмена опытом с коллегами-попрошайками (**передача традиций в рамках субкультуры**) или советов со стороны сочувствующей публики (подающих, *посторонних наблюдателей*). Например, мы наблюдали, как случайная прохожая, пожилая женщина, остановившись рядом с подростком, собирающим милостыню, начала давать ему советы: протягивать к прохожим не ладонь, а целлофановый мешочек или пластиковый стаканчик, персонально обращаться к тем прохожим, которые поднимают глаза на подростка.

Обмен информацией – пример **реципрокного альтруизма** в среде самих нищих. Как было показано некоторыми авторами, обмен информацией, повышающей индивидуальный успех в поиске ресурсов, – одно из проявлений реципрокного альтруизма в человеческих коллективах. Кооперация между нищими проявляется и в других действиях: распределении времени "работы" на доходном месте, дележе "атрибутов" нищего – знакомые нищие могут просить, используя одну и ту же собаку (такие случаи мы наблюдали в России, Чехии и Италии) или одного и того же ребенка (в основном такую практику использовали европейские и азиатские цыгане). Как следует, к примеру, из интервью с некоторыми женщинами-люли, они, выходя на улицу для сбора милостыни, могут брать с собой собственных детей, или могут одалживать детей сестры или другой близкой родственницы. Наконец, многие нищие образуют своеобразные коммуны: живут совместно, проводят сообщда досуг и, что очень важно, делятся доходами. Более успешные "добытчики" угощают других едой и спиртным, что мы многократно наблюдали в Праге и Флоренции. В этом случае воспроизводится модель дележа пищи в сообществах охотников-собирателей и мотыжных земледельцев (Hames 1990). Те, кто чаще делится, получают более высокий статус и, как следствие, зачастую и различные выгоды в виде услуг или благосклонного отношения со стороны женщин (по нашим наблюдениям, просящих мужчин в ряде наблюдаемых нами городов – Праге, Бухаресте и Флоренции – было больше; см. статью Бутовской и Ванчатовой).

Помимо универсальных психологических механизмов положительный отклик на поведение нищих связан с культурно-специфическими моделями поведения. Для Праги таким культурно-специфичным поведением оказалась поза просящего (на коленях и локтях, с опущенной вниз головой – демонстрация крайнего подчинения); для Москвы – широкое распространение картонных табличек с информацией о причинах бедственного положения, сдобренных эмоционально насыщенными эпитетами, вызывающими сочувствие у прохожих; в Бухаресте – попрошайничество обнищавших выходцев из сельских районов всей семьей, с детьми; во Флоренции (Италия – страна с

выраженными традициями чадолюбия) – образ вечно беременной многодетной матери, активно используемый местными цыганами, и образ обремененного болезнями пожилого человека.

Многие нищие в современных городах образуют своего рода коммуны. Однако устройство подобных сообществ может принципиально различаться. Одни устроены по родственно-племенному признаку (европейские и азиатские цыгане); в них входят большие семьи, а также односельчане, ранее проживавшие по соседству и знакомые друг с другом с детства. Социальный статус в этих объединениях определяется принадлежностью к определенному роду и мало меняется в условиях миграции в большие города (Москву, Петербург, Новосибирск, Прагу, Бухарест, Флоренцию). Уклад жизни, традиционные культурные установки и социальные связи членов подобных сообществ также редко меняются. Говорить о маргинализации (социальной деградации, требующей реабилитации) этой группы при переходе к нищенству нет оснований. Другой вариант подобных сообществ формируется из лиц, ранее занятых в различных сферах экономики "большого" общества, а также инвалидов, получавших пособия по нетрудоспособности. В этом случае лица, входящие в объединения указанного типа, обретают новый социальный статус за счет личных усилий – предприимчивости, сообразительности, умения координировать действия и щедрости (дележ полученных за день средств с членами сообщества). Иногда удачливые нищие делятся и с мало знакомыми и менее удачливыми собратьями. Так, во время одного из наших наблюдений мы стали свидетелями поразительной картины: семья побирающихся в метро молдаван (женщина и двое детей-подростков), переодевшись в "приличную" одежду, направилась после дневных трудов на выход в город. По пути подростки увидели пожилую старушку-нищенку и подали ей милостыню. Их действия не вызвали ни малейших протестов со стороны матери, по-видимому, та расценила их как естественные и привычные.

Дележ с посторонними заслуживает специального обсуждения, и в этом случае обращение к эволюционным теориям дележа и альтруизма представляется вполне уместным. Перераспределение добытых средств обеспечивает поддержание социального статуса в пределах нищенского сообщества и ограничивает вероятность воровства и насилия среди "своих". Причины дележа в группах нищих хорошо укладываются в модель Блёртон-Джонса (*Blurton-Jones* 1984), получившую название **социально приемлемого воровства** (*tolerated theft*), предложенную ранее для охотников-собирателей. Суть ее состоит в том, что успешному охотнику дороже охранять и защищать добытую дичь, чем поделиться ею с сородичами. Мясо долго не хранится и его трудно запасти впрок; его нужно охранять, что требует сил и постоянного присутствия поблизости; наконец, охота – явление непредсказуемое, и сам удачливый охотник может оказаться без добычи и зависеть от поддержки соседа. Может показаться, что, добывая мясо чаще и много, успешные охотники больше дают группе, чем получают взамен, однако и они в целом выигрывают от системы дележа, так как время от времени вынуждены обращаться за мясом к другим мужчинам. Хотя в группе могут найтись лентяи, старающиеся реже ходить на охоту и приносить добычу, в небольших по размеру группах они быстро распознаются и к ним начинают относиться соответственно. Это не значит, что им не дают мяса; в группах охотников-собирателей делятся с каждым, кто обращается с просьбой. Но в небольших по размеру группах не может быть большого количества обманщиков, поскольку в этом случае само их функционирование становится неэффективным: всем не хватает пищи.

Блёртон-Джонс полагает, что обманщики оказывают влияние на социальные стратегии окружающих. Для того чтобы стимулировать других чаще ходить на охоту и добывать пищу, они стремятся создать имидж удачливых охотников. Иными словами, высокий социальный статус может присваиваться другими. У аче, охотников-собирателей Парагвая, сами охотники и их потомство пользуются особым почетом у сопле-

менников; кроме того, законные дети хороших охотников выживают чаще, чем дети плохих охотников (Kaplan, Hill 1985). Умелые охотники имеют также больше жен, законных детей (Marlowe 1999); в группах охотников-собираателей с ними реже разводятся жены (Wiessner 2002); они же чаще имеют внебрачных детей и любовниц.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что демографическая ситуация с нищими в Москве и Праге меняется со временем: в начале 1990-х годов наблюдались рост числа нищих, наплыв беженцев из бывших союзных республик и эксплуатация образа "погорельцев", жертв наводнений и военных действий. Подающие доверчиво относились к мифологическим повествованиям побирушек и откровенно им сочувствовали. Нищие тогда рассматривались еще как "одни из нас", члены единого общества; отклик на просьбы о вспомоществовании отражал глубоко усвоенные стереотипы "социалистической уравниловки". Многие из опрошенных упоминали о неловкости при виде бедно одетых людей, просящих на хлеб (**неосознанная попытка приостановить внутригрупповое расслоение общества по уровню жизни и внешнему виду**). По мере роста числа нищих, эксплуатирующих роли "погорельцев", "ограбленных", "беженцев с территорий военных действий", "ветеранов и инвалидов" афганской и чеченской кампаний, сочувствие граждан уменьшалось. Этот феномен объясним с позиций теории выявления обманщиков, эксплуатирующих альтруистические мотивации окружающих. При достижении критической численности обманщиков дежеж ресурсами с ними прекращается, срабатывает групповой механизм отторжения.

Анализ современного нищенства в России показывает, что "новые нищие" воспроизводят существовавшую в дореволюционной России практику попрошайничества (см. статью Дьяконова). Преемственность архетипов попрошайничества подтверждается и нашими наблюдениями в Чехии, Румынии, Италии, а также данными других исследователей по Польше (Butovskaya et al. 2004; Rheinheimer 2003). Аналитический обзор сведений по истории нищенства в Китае тоже указывает на культурную преемственность базовых нищенских стратегий и общественного отношения к попрошайкам (Lu 1999). Этот факт не вызывает удивления: наряду с универсальными сигналами (вербальными и невербальными) о помощи в каждой культуре действует сложная система культурных кодов, с детства понятная ее членам.

Нищий и подающий действуют в тесной связи друг с другом, поэтому и стратегии, используемые нищими, выбираются с учетом настроений и особенностей восприятия потенциальных доноров. Например, нищие, просящие в вагонах метро, в обычные дни апеллируют к чувству собственного достоинства пассажиров (небольшая сумма, выданная нищему, не разорит подающего, но может повысить его самооценку и дать ощущение собственного благополучия по контрасту с остро нуждающимся); в канун дня защитника Отечества или Дня Победы – к патриотизму (появляется много нищих и калек, одетых в военную форму, выдающих себя за ветеранов разных военных кампаний); перед Рождеством появляются пожилые женщины, молодухи с детьми и инвалиды (их обращения к пассажирам являются комбинацией благопожеланий и просьб о помощи). Нищие у храмов и на кладбищах своей одеждой, поведением и речью свидетельствуют о стремлении к набожности и святости. У подающего создается впечатление, что проявление милосердия к этим несчастным угодно Богу, и действительно, раздав подаяния, он ощущает облегчение, прилив сил и надежд на будущее.

Опытные нищие специализируются на конкретной категории прохожих. Так, московские и питерские попрошайки с собаками и кошками предпочитают обращаться к женщинам среднего и старшего возраста или к матерям с детьми. В Праге нищим с животными подают как женщины, так и мужчины, а в Бухаресте никому из нищих даже в голову не придет попрошайничать со своими питомцами, поскольку Румыния буквально наводнена стаями бродячих собак, нередко нападающих на человека. В Китае нищие часто играют роль ряженых в канун Нового года, зная, что суеверные обыватели никогда не откажут "мнимым святым" из боязни лишиться достатка и благо-

денствия в наступающем году. В китайской традиции "естественно" выглядит откровенный рэкет нищих в отношении мелких лавочников, тогда как в большинстве европейских стран такое поведение было и остается неслыханным.

Реабилитация нищенствующих и бездомных – дело исключительно трудное и малоэффективное. Люди, занимающиеся попрошайничеством, со временем адаптируются к этой роли и совершенствуют ее, осваивая новые, более действенные средства воздействия на потенциальных подающих. К несчастью, многие из тех, кто под влиянием обстоятельств был вынужден отправиться на паперть с протянутой рукой, вскоре обнаруживают к этой "работе" явную тягу (ненормированный рабочий день, вскоре обнаруживается личная свобода, легкие деньги и пр.) и не желают возвращаться к прежней жизни. В ситуации, когда человек зарабатывает попрошайничеством больше, чем стоя у станка, попытки социальных работников, направленные на реабилитацию нищих, зачастую оказываются неэффективными. Ситуация в современной России не уникальна. Как следует из китайских источников начала XX в., власти Китая того времени столкнулись с аналогичной проблемой: многие семьи, вынужденные побираться по причине потери работы главой семейства, с удивлением обнаружили, что их финансовое положение не ухудшилось, а улучшилось. При этом существенно пострадал социальный статус этих людей, однако с учетом экономических реалий некоторые "новообращенные" нищие готовы были мириться с этим обстоятельством.

Для многих нищих и бездомных характерен тип потребления, типичный для охотников-собирателей: они ничего не запасают на будущее, немедленно спуская все заработанные деньги. Тормозящим реабилитацию фактором является также само нищенское сообщество: социальные связи, сформировавшиеся в период попрошайничества, ставший привычным способ времяпрепровождения в компании таких же нищих, отсутствие четкого распорядка дня и потребности регулярного посещения рабочего места и приобретенный социальный статус.

В заключение хотелось отметить, что нищенство представляет собой сложный социокультурный феномен, уходящий своими корнями в эволюционное прошлое человека. Понять сущность этого явления невозможно без комплексного анализа субкультуры нищих и ее взаимоотношений с "большим" обществом, учета глубинной специфики человеческой психики и этнологических механизмов поведения.

Литература

- Бутовская 2004 – Бутовская М.Л. Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино: Век-2, 2004.
- Бутовская, Сухова, Кузнецова 1995 – Бутовская М.Л., Сухова Л.Л., Кузнецова Т.Г. Попрошайничество и дележ у подростков шимпанзе // Физиологический журнал. 1995. Т. 81. № 2. С. 89–94.
- Бутовская, Файнберг 1992 – Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Проблема зарождения человеческого общества: новые подходы, гипотезы // Исследования по первобытной истории / Под ред. А.И. Першица. М., 1992. С. 4–25.
- Бутовская, Файнберг 1993 – Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков первобытного общества. М.: Наука, 1993.
- Ильясов, Плотникова 1994 – Ильясов Ф.Н., Плотникова О.А. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 150.
- Кудрявцева 2001 – Кудрявцева М.О. Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 73–90.
- Axelrod, Hamilton 1981 – Axelrod R., Hamilton W.D. The evolution of cooperation // Science. 1981. Vol. 211. P. 1390–1396.
- Blurton Jones et al. 1997 – Blurton Jones N., Hawkes K., O'Connell J. Why do Hadza children forage? // Uniting psychology and biology: integrative perspectives on human development / Eds. N.L. Segal, G.E. Weisfeld, C.C. Weisfeld. N.Y.: American Psychological Association, 1997. P. 297–331.

- Boyd et al.* 2003 – *Boyd R., Gintis H., Bowles S., Richerson P.J.* The evolution of altruistic punishment // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America.* 2003. Vol. 100. P. 3531–3535.
- Butovskaya et al.* 2000 – *Butovskaya M., Diakonov I., Salter F. Maurer A.* Beggars as a urban subculture: territorial distribution, begging strategies and relationship with local population // *Paper of Conference Ecology and Stable Development of City.* M.: Moscow State University Press, 2000. P. 44–45.
- Butovskaya et al.* 2002 – *Butovskaya M., Diakonov I., Salter F.* Effects of sex, status and ethnic similarity on willingness to give to beggars: A questionnaire study // *Anthropologie.* 2002. Vol. XL. № 1. P. 119–128.
- Butovskaya et al.* 2004 – *Butovskaya M., Diakonov I., Vancatova M., Pavelkova J.* Alms-giving in modern urban societies as a biosocial phenomenon: a cross-cultural comparison // *Comparative Civilizations Review.* 2004. № 50. P. 5–22.
- Dean, Melrose* 1999 – *Dean H., Melrose M.* Easy picking or hard profession? Begging as an economic activity // *Begging questions. Street level economic activity and social policy failure / Ed. H. Dean.* Bristol: The Policy Press, 1999. P. 84.
- Gintis* 2000 – *Gintis H.* Strong reciprocity and human sociality // *Journal of Theoretical Biology.* 2000. Vol. 206. P. 169–179.
- Gurver et al.* 2000 – *Gurven M., Hill K., Hurtado M., Lyles R.* Food sharing transfers among Hiwi foragers of Venezuela: tests of reciprocity // *Human Ecology.* 2000. Vol. 28. P. 171–218.
- Hames* 1990 – *Hames R.* Sharing among the Yanomamo: Pt 1. The effects of risk // *Risk and uncertainty in tribal and peasant economies / Ed. E. Cashdan.* Boulder: University of Colorado Press, 1990. P. 89–106.
- Hawkes* 1990 – *Hawkes K.* Why do men hunt? Benefits for risky choices? // *Risk and Uncertainty in Tribal and Peasant Economies / Ed. E. Cashdan.* Boulder (Co): Westview Press, 1990. P. 145–166.
- Hawkes* 1993 – *Hawkes K.* Why hunter-gatherers work – an ancient version of the problem of public goods // *Current Anthropology.* 1993. Vol. 34. P. 341–361.
- Kaplan, Hill* 1985 – *Kaplan H., Hill K.* Food-sharing among Ache foragers: tests of explanatory hypotheses // *Current Anthropology.* 1985. Vol. 26. P. 223–245.
- Kaplan et al.* 2000 – *Kaplan H., Hill K., Lancaster J.B., Hurtado A.M.* A theory of human life history evolution: diet, intelligence, and longevity // *Evolutionary Anthropology.* 2000. Vol. 9. P. 156–185.
- Lu* 1999 – *Lu H.* Becoming urban: mendicancy and vagrants in modern Shanghai // *Journal of Social History.* 1999. Vol. 33. № 1. P. 7–36.
- Marlowe* 1999 – *Marlowe F.* Showoffs or providers: the parenting effort of Hadza men // *Evolution and Human Behavior.* 1999. Vol. 20. P. 391–404.
- O’Gorman et al.* 2005 – *O’Gorman, Wilson D.S., Miller R.R.* Altruistic punishing and helping differ in sensitivity to relatedness, friendship, and future interactions // *Evolution and Human Behavior.* 2005. Vol. 26. P. 375–388.
- Rheinheimer* 2003 – *Rheinheimer M.* Chudaci, zebrači a vagranti (Lide na okraji společnosti, 1450–1850). Pr.: Vysehrad, 2003. 187 p.
- Wiessner* 2002 – *Wiessner P.* Hunting, healing, and *hxaro* exchange: A long-term perspectives on !Kung (Ju/hoansi) large-game hunting // *Evolution and Human Behavior.* 2002. Vol. 23. № 6. P. 407–436.
- Wiessner* 2005 – *Wiessner P.* Norm enforcement among the Ju/hoansi Bushmen: a case of strong reciprocity? // *Human Nature.* 2005. Vol. 16. P. 115–145.